

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 18, Is. 2, Pp. 280–296, 2025
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(5)»12/14»
 DOI: 10.22162/2619-0990-2025-78-2-280-296

Деятельность итальянских купцов в Персии в эпоху монгольского владычества

Гульжан Сейдуалиевна Беделова¹, Калкаман Турсунович Жумагулов²,
 Дукен Масимханулы³, Айнур Абиденкызы⁴

¹ Казахский национальный университет им. Аль-Фараби (д. 71, пр. Аль-Фараби, 050040 Алматы, Республика Казахстан)

кандидат исторических наук, ассоциированный профессор

 0000-0002-0632-7835. E-mail: [gulzhanbedelova\[at\]gmail.com](mailto:gulzhanbedelova[at]gmail.com)

² Казахский национальный университет им. Аль-Фараби (д. 71, пр. Аль-Фараби, 050040 Алматы, Республика Казахстан)

доктор исторических наук, профессор

 0000-0002-9072-6344. E-mail: [kalkaman.zhumagulov\[at\]kaznu.kz](mailto:kalkaman.zhumagulov[at]kaznu.kz)

³ Институт востоковедения им. Р. Б. Сулейменова (д. 29, ул. Курмангазы, 050010 Алматы, Республика Казахстан)

доктор филологических наук, профессор, директор

 0000-0003-2986-1499. E-mail: [masimkhan-63\[at\]mail.ru](mailto:masimkhan-63[at]mail.ru)

⁴ Институт востоковедения им. Р. Б. Сулейменова (д. 29, ул. Курмангазы, 050010 Алматы, Республика Казахстан)

PhD, ведущий научный сотрудник

 0000-0003-0109-4347. E-mail: [ainurbai-67\[at\]mail.ru](mailto:ainurbai-67[at]mail.ru)

© КалмНЦ РАН, 2025

© Беделова Г. С., Жумагулов К. Т., Масимханулы Д., Абиденкызы А., 2025

Аннотация. *Введение.* В статье рассматривается деятельность итальянских купцов в Персии в середине XIII–XIV вв. в условиях монгольского владычества. Авторы анализируют экономическую, дипломатическую и социальную роль итальянцев в торговых сетях Ильханата, а также факторы, способствовавшие интеграции европейских купцов в монгольскую экономическую модель. Основное внимание уделяется финансовым вопросам, взаимодействию итальянских купцов с местной элитой и монгольскими властями, а также причинам упадка их присутствия в данном регионе. *Цели и задачи.* Исследование представляет собой комплексный анализ ита-

льянской торговой деятельности, основанный на изучении нотариальных документов и контрактов, а также выявлении взаимосвязи между торговой активностью и политическими изменениями в Ильханате. В ходе работы продемонстрировано, что итальянские купцы выполняли не только коммерческие функции, но и играли значительную роль в дипломатических процессах, содействуя переговорам между монгольскими правителями и европейскими державами. *Материалы и методы.* Материалы исследования включают такие источники, как нотариальные документы, связанные со сделками и долговыми обязательствами, торговые контракты, завещания итальянских купцов, дипломатическая переписка между европейскими монархами и правителями Ильханата, а также хроники западных и восточных авторов. Исследование проводилось на основании как опубликованных источников, так и архивных материалов, требующих специальной атрибуции и анализа. Использование междисциплинарного подхода, включающего методы исторического, экономического и социального анализа, позволило выявить особенности итальянской торговой стратегии в Персии. Выявлены механизмы адаптации итальянцев к монгольской системе управления, включая практики партнерства с местной элитой и участие в институционализированных формах торговли. Важным *результатом* работы стало уточнение факторов, приведших к снижению итальянского влияния, включая изменение религиозной политики Ильханата, эволюцию торговых маршрутов. Авторы подчеркивают, что опыт итальянских купцов в Персии демонстрирует, как в условиях динамичных политических и экономических изменений можно было не только сохранить, но и успешно использовать возможности для межкультурного и межрегионального обмена. Сделан *вывод* о том, что деятельность итальянских купцов оставила заметный след в истории средневековой торговли, показав, что личные инициативы, адаптация к новым условиям и умелое сочетание коммерческих и дипломатических интересов могут стать мощным двигателем исторических перемен.

Ключевые слова: торговля, дипломатия, Ильханат, итальянские купцы, торговые общины, межкультурный обмен, экономическая интеграция

Благодарность. Исследование подготовлено в рамках реализации программно-целевого финансирования Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан «Ранняя и средневековая история, культура Тюркского мира по новым уникальным материалам Ватикана и стран Западной Европы» (ИРН BR24993132).

Для цитирования: Беделова Г. С., Жумагулов К. Т., Масимханулы Д., Абиденкызы А. Деятельность итальянских купцов в Персии в эпоху монгольского владычества // *Oriental Studies*. 2025. Т. 18. № 2. С. 280–296. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-78-2-280-296

Activities of Italian Merchants in Mongol Persia

Gulzhan S. Bedelova¹, Kalkaman T. Zhumagulov²,
Duken Massimkhanuly³, Ainur Abidenkyzy⁴

¹ Al-Farabi Kazakh National University (71, Al-Farabi Ave., 050040 Almaty, Republic of Kazakhstan)

Cand. Sc (History), Associate Professor

0000-0002-0632-7835. E-mail: gulzhanbedelova[at]gmail.com

² Al-Farabi Kazakh National University (71, Al-Farabi Ave., 050040 Almaty, Republic of Kazakhstan)

Dr. Sc. (History), Professor

0000-0002-9072-6344. E-mail: Kalkaman.Zhumagulov[at]kaznu.kz

³ R. B. Suleimenov Institute of Oriental Studies (29, Kurmangazy St., 050010 Almaty, Republic of Kazakhstan)

Dr. Sc. (Philology), Professor, Director

0000-0003-2986-1499. E-mail: masimkhan-63[at]mail.ru

⁴ R. B. Suleimenov Institute of Oriental Studies (29, Kurmangazy St., 050010 Almaty, Republic of Kazakhstan)

PhD, Leading Research Associate

0000-0003-0109-4347. E-mail: ainurbai-67[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2025

© Bedelova G. S., Zhumagulov K. T., Massimkhanuly D., Abidenkyzy A., 2025

Abstract. *Introduction.* The article deals with activities of Italian merchants in Mongol Persia (mid-thirteenth to late fourteenth centuries). The work analyzes economic, diplomatic and social impacts of Italians in trade networks of the Ilkhanate, as well as some factors that facilitated the integration of European merchants into the Mongol economic model. Particular attention is paid to financial issues, the interaction of Italian merchants with local elites and Mongol authorities, reasons behind the decline of their presence in the region. *Goals.* The study examines notarial documents and trade contracts for certain interconnections between trade endeavors and political changes in the Ilkhanate to provide a comprehensive analysis of the Italian commercial activities. As is shown herein, Italian merchants played not only commercial roles but also contributed significantly to diplomatic processes via facilitating negotiations between Mongol rulers and European powers. *Materials and methods.* The paper focuses on notarial documents relating to transactions and debt obligations, commercial contracts, wills of Italian merchants, diplomatic correspondence between European monarchs and rulers of the Ilkhanate, chronicles by Western and Eastern authors. The research involves both published and archival materials, the latter to have required special efforts of attribution and analysis. The employed interdisciplinary approach comprising historical, economic, and social analysis tools makes it possible to identify key aspects of Italian trade strategies in Persia. The work highlights some mechanisms of adaptation to the Mongol administrative system, including partnerships with local elites and participations in institutionalized forms of trade. *Results.* A most essential achievement is that the paper clarifies the factors behind the decline of Italian influence, such as shifts in the Ilkhanate's religious policy and modifications of trade routes. It is emphasized that the experiences of Italian merchants in Persia illustrate how — in a context of dynamic political and economic changes — they were able not only to sustain but also to successfully leverage opportunities for cultural and regional exchange. *Conclusions.* The investigated activities of Italian merchants did leave a significant mark on the history of medieval trade, and demonstrate that personal initiatives, adaptation to new conditions, and a skillful combination of commercial and diplomatic interests could serve as powerful drivers of historical transformations.

Keywords: trade, diplomacy, Ilkhanate, Italian merchants, trade communities, cultural exchange, economic integration

Acknowledgements. The reported study was funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Science Committee), project no. IPH BR24993132 'Ancient and Medieval History, Culture of the Turkic World: Analyzing Newly Discovered Materials from Vatican City and Western European Countries'.

For citation: Bedelova G. S., Zhumagulov K. T., Massimkhanuly D., Abidenkyzy A. Activities of Italian Merchants in Mongol Persia. *Oriental Studies*. 2025; 18(2): 280–296. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2025-78-2-280-296

1. Введение

Современные исследования показывают, что нашествия кочевых народов не только могли приводить к разрушениям, но и способствовали появлению важных экономических и культурных изменений. Особенно об этом свидетельствует период после завоеваний монголов, когда контроль над тор-

говыми путями от Китая до Средиземного моря способствовал усилению связей между регионами. Ярким примером таких процессов стало участие итальянских купцов в торговых сетях, сформированных в период монгольского господства. Их деятельность позволяет глубже понять механизмы ранней глобализации и значение межкультурного

обмена в развитии международных торговых отношений, что остается актуальным и в современном мире.

Целью данного исследования является комплексное рассмотрение деятельности итальянских купцов в Персии в середине XIII–XIV вв., их экономической, дипломатической и социальной роли в системе монгольского господства, а также выявление факторов, способствовавших интеграции европейских торговцев в монгольскую экономическую модель и последующему снижению их влияния. Авторы сосредоточили внимание на следующих задачах: анализ торговых, финансовых механизмов — исследование форм контрактов, типов товаров и экономических стратегий итальянских купцов; изучение взаимодействия с монгольскими властями — определение роли итальянских купцов в дипломатии Ильханата, выявление практик партнерства и способов завоевания доверия местной элиты; оценка влияния политических, экономических факторов, выявление причин упадка итальянской торговли в регионе — изучение воздействия внешних конфликтов, религиозных преобразований и административных изменений в Ильханате на итальянскую торговлю, рассмотрение эволюции торговых общин, а именно анализ институционального оформления генуэзского и венецианского присутствия в Персии, изучение факторов, приведших к сокращению итальянского влияния в Персии.

Историография вопроса охватывает несколько направлений. Во-первых, эта группа исследователей [Balard 1978; Richard 1999; Allsen 2001; Park 2012], которые рассматривают этот процесс, изучая торговые механизмы и институциональное оформление торговых общин. Здесь основная масса исследований посвящена именно форме и способам торговли: типам контрактов (*colleganza* / *commenda*), структуре торговых общин генуэзцев и венецианцев, их взаимодействию с караванными путями и локальными рынками. Этот аспект изучен наиболее полно, есть как общие синтезы, так и детальные разборы отдельных документов и практик. Во-вторых, это работы, которые фокусируются на интеграции купцов в эко-

номическую модель Монгольской империи [Di Cosmo 2005; Enkhbold 2019]. Исследователи анализируют, как европейские купцы приспосабливались к монгольской системе управления, участвовали в институтах ортачества и ориентировались на предпочтения монгольской элиты. Концепция «ортак» и влияние локальных экономических норм описаны достаточно подробно, но единичные примеры требуют углубленного сравнительного анализа. Третье направление — дипломатический аспект торговли [Richard 1970; Spuler 1955]. Отдельные работы рассматривают роль купцов-дипломатов в переговорах Ильханата с Западом, анализируют миссии Бускарелло де Гизольфи, Периччоло (Изол) и других. Дипломатическая функция купцов хорошо документирована на уровне отдельных биографий и эпизодов, но мало синтезов, связывающих эти миссии с общей торговой стратегией. Четвертое направление связано с религиозной политикой Ильханата и ее влиянием на торговлю [Gilman, Klimkeit 2023; Pubblici 2022]. Исследователи рассматривают, как переход ильханов в ислам (Газангхан), а затем усиление нетерпимости (Олджейту, Абу Саид) отражались на безопасности и положении западных купцов. Тема освещена на макроуровне, подробно не анализируется, как именно отдельные указы повлияли на торговлю. Таким образом, проблема изучена многопланово, но остаются значимые пробелы в ряде финансовых вопросов и в анализе взаимодействия с местными элитами, которые стали темой нашего исследования. Авторы статьи попытались свести четыре основных направления существующих работ, обобщая и систематизируя знания по теме, одновременно обозначив для себя точки для последующих исследований.

2. Материалы и методы исследования

В статье использованы методы исторического исследования, включающие анализ письменных источников, сравнительно-исторический, структурно-функциональный методы и метод контекстуального анализа. Метод количественного анализа применялся при изучении финансовых контрактов, упоминаний о товарах и денежных

суммах, отраженных в нотариальных актах. Контекстуальный метод используется для выявления взаимосвязи между торговой активностью итальянцев и политическими изменениями в Ильханате, а также для оценки дипломатической роли купцов. Междисциплинарный подход проявляется в привлечении данных из экономической истории и политической истории монгольских завоеваний. Источниковая база работы состоит из первичных письменных источников XIII–XIV вв., таких как нотариальные документы, касающиеся сделок и долговых обязательств, торговые контракты, завещания итальянских купцов [Cecchetti 1883; Codex Cumanicus 1880; DVL 1880; MHP 1838; ASG; Kohler 1899], документы о назначении консулов, дипломатическая переписка между европейскими монархами и правителями Ильханата, а также хроники западных и восточных авторов [Mosheim 1741; Il Milione 1912; Atâ-Malek Juvayni 1958; Abdu-llah Wassaf 1871; Van den Wyngaert 1929; Горский, Трепавлов 2022]. Исследование проводилось на основании как опубликованных источников, так и архивных материалов, требующих специальной атрибуции и анализа.

3. Анализ торговых, финансовых механизмов

Как убедительно продемонстрировал в своем исследовании Т. Олсен, характер движения людей, идей и товаров по территории Азии в эпоху монгольского владычества в значительной степени определялся предпочтениями, потребностями и интересами монгольской элиты. Китайские и западно-азиатские ученые (вероятно, и европейцы, в том числе торговцы) находились при монгольских дворах не только из научного интереса, но и, прежде всего, в силу желания монголов оценить практическую значимость, эффективность и ценность различных культурных традиций. Этот процесс охватывал разнообразные сферы и проходил через механизмы фильтрации и адаптации, в которых монгольские правители играли ключевую роль. Они регулировали эти процессы, создавая условия, при которых определенные группы людей, идеи и

товары перемещались по Евразии с разной скоростью и в различных масштабах [Allsen 2001: 189–211].

Примером такого движения торговцев и продажи товаров может служить город Тебриз, который уже в XIII в. стал важным торговым центром, особенно для генуэзцев и венецианцев. Известно, что Марко Поло посещал Тебриз в 1293 г. и 1294 г., а в начале следующего века там существовала венецианская торговая община [Cecchetti 1883: 161]. Но «Первое свидетельство пребывания западных купцов в Тебризе относится к 1264 г. Это завещание венецианского купца Пьетро Вильони, помеченное 12 декабря 1264 г.» [Свет 1968: 54]. Пьетро Вильони составил свое завещание в городе Тебриз. Оно написано на языке, близком к итальянскому, смешанном с латинскими словами и венецианским диалектом, содержит сведения о товарах, которыми торговал П. Вильони. Эти товары были весьма ценными: помимо драгоценных металлов, упоминаются горный хрусталь и агаты.

Бартоломео Чеккетти пишет: «О семье Вильони нам известно несколько лиц, начиная с 1103 года, по документам, хранящимся в архивах монастырей S. Giorgio Maggiore, S. M. degli Angeli di Murano, S. Zaccaria, S. Salvatore, а также по одному кодексу из библиотеки Marciana и Archivio Notarile. В той же папке № 292, где хранится завещание Пьетро Вильони, также содержится завещание его отца Витале, составленное 2 мая 1285 года нотариусом Маттео Креценцио, священником из церкви Сан-Моисе. Витале на тот момент был уже в преклонном возрасте и проживал в районе S. Moisò» [Cecchetti 1883: 161–162].

Документ представляет собой детальный инвентарный список имущества П. Вильони, которое он называл «мои вещи и чужие вещи» (*le cose mie et altrui*), что указывает на совместное владение с другими купцами и финансирование с использованием общего капитала из Венеции. В итальянских торговых республиках было широко распространено заключение соглашений, в которых зачастую участвовали члены одной семьи или близкие родственники. Одной из наиболее популярных форм таких договоров

была *colleganzia* (в Венеции) или *commenda* (в других республиках), представлявшая собой контракт, по которому стороны совместно инвестировали в торговые предприятия, разделяя риски и прибыли [Kypta et al. 2019: 158–159].

Опись имущества П. Вильони целесообразно разделить на две составные части. В первой части представлен перечень разнообразных товаров общего назначения, при этом их стоимость, за исключением жемчуга, оцененного в восемьдесят тебризских безантов, не указана. В числе упомянутых предметов значатся два ящика с сахаром, двадцать одна бобровая шкура, а также значительный объем европейских тканей, суммарная длина которых достигала приблизительно трех километров: «Также у меня есть 63 тюка ломбардского полотна, общим весом 780 кантаров¹, и один тюк немецкого полотна, весом 25 кантаров (460 локтей)²... У меня также имеется 8 тюков белого полотна из Венеции, один тюк жатого полотна (70 локтей)... Также у меня есть 5 тюков белого полотна из Венеции и 4 куса грубого полотна (75 локтей)... Кроме того, у меня имеется 21 мех бобров, принадлежащих лично мне, и неочищенный сахар в двух тюках, каждый по 12 кантаров. У меня также есть 188 золотых монет Тавриза, мелкий жемчуг весом 100 единиц, а также 59 золотых монет Тавриза» [Cecchetti 1883: 164–165].

Во второй части завещания представлен обширный каталог роскошных предметов, которые составляют значительную часть содержания документа. П. Вильони специально указал, что в случае его смерти эти вещи должны быть проданы в Тебризе, и оценил их общую стоимость примерно в четыре тысячи тебризских безантов [Cecchetti 1883: 164–165]. Исследователи в целом принимают то, что предметы П. Вильони были предназначены для продажи. Это подтверждается структурными особенностями

документа, указанием фиксированных цен на конкретные предметы и участием других купцов в данном предприятии [Molà 2012: 139–140].

Среди предметов, упомянутых в инвентаре, особенно выделяются шахматные доски: «У меня есть двойная игральная доска для игры в тавлеи и шахматы, искусно сделанная из горного хрусталя, яшмы, серебра, драгоценных камней и жемчуга. Также у меня есть другая игральная доска, с одной стороны предназначенная для шахмат, а с другой для игры в „амарелле“, выполненная из горного хрусталя, яшмы, серебра, камней и жемчуга» [Cecchetti 1883: 163].

В завещании упоминается ряд предметов, изготовленных из свинцового стекла и горного хрусталя, отличающихся высоким уровнем художественной обработки [Cecchetti 1883: 163–164]. Большая часть перечисленных в инвентаре предметов, вероятно, была приобретена у европейских производителей, что подтверждается указанием П. Вильони на их принадлежность не только ему, но и его согражданам, свидетельствуя о существовании коммерческого соглашения.

Как отмечает Л. Мола, значительная часть данного инвентаря, вероятно, имеет связь с венецианским стекольным производством, которое было объединено в гильдию в 1284 г. [Molà 2012: 139]. П. Вильони упоминает яшму, сардоникс, агат и гелиотроп, которые в средние века рассматривались как разновидности некристаллического кварца без четких различий [Holmes 1934: 198].

В последующие приблизительно двадцать лет после завещания П. Вильони наблюдается сравнительный дефицит сохранившихся источников, фиксирующих присутствие и деятельность итальянских торговцев в Персии. Данный факт можно частично объяснить нестабильной политической ситуацией в Византийской империи, а также военными конфликтами между Генуей и Венецией. Эти противостояния, вероятно, привели к дестабилизации торговых маршрутов Черного и Средиземного морей, что в свою очередь могло затруднить или сделать менее привлекательными коммерческие экспедиции итальянских купцов вглубь Евразийского континента.

¹ Кантар — мера веса, использовавшаяся в различных странах Ближнего Востока и Средиземноморья. В разных странах имела различное значение: от 45 до 320 кг. Например, в Генуе равнялась 47,65 кг.

² Локоть — мера длины, равняется половине английского ярда.

С начала 1280-х гг. фиксируется рост числа коммерческих документов, среди которых самым ранним, по наблюдению М. Баларда, является договор Л. ди Рекко. М. Балард также упоминает о продаже рубинов из региона Бадахшан, сделка зарегистрирована в Генуе в 1283 г. Драгоценные камни принадлежали некому Оспинелло делла Кроче, купцу, находившемуся в Тебризе [Balard 1978: 139].

В период с 1285 г. по 1290 г. ряд генуэзских представителей, включая известного Бускарелло де Гизольфи, принимали участие в дипломатических миссиях, инициированных ханом Аргуном и направленных к Папе Римскому с целью содействия формированию христианско-монгольского союза против Египта [Balard 1978: 139]. Эти контакты свидетельствуют о возрастающем стратегическом значении генуэзского торгового поста в Тебризе, который в этот период переживал активное развитие.

В марте 1291 г. в Генуе были заключены три финансовых договора, по которым выплаты должны были производиться в Тебризе после прибытия первого торгового каравана. В 1292 г., в июне, июле и сентябре, были подписаны еще четыре подобных соглашения на общую сумму 1 762 генуэзских золотых монеты. Помимо этого, были оформлены два торговых заказа, один из которых включал пять небольших тюков ткани из Реймса. В 1293 г. семья Малочелло создала торговое партнерство (*societas*) с купцом Лучето де Мари и тремя другими генуэзцами, чтобы вместе вести бизнес в Тебризе [Balard 1978: 139].

Отдельные архивные записи свидетельствуют о том, что имущество генуэзских купцов, скончавшихся в Тебризе, иногда отправлялось обратно в Геную. Однако настоящий расцвет торгового пункта начался только после 1300 г. К 1304 г. Генуэзская республика уже официально назначила консула — Раффо Паллавизино. В Тебризе работали нотариусы: в 1303 г. — Джованни ди Бертоно, а затем Джованнини ди Партиссоло из Реджо, который называл себя «писцом генуэзской общины в Тебризе» и вел документацию в местном караван-сарая «*de nautos*» с 1307 г. по 1311 г. Позднее, с 1328 г.

и, по меньшей мере, до 1344 г., в городе работал еще один писец — Ацеллино Романо [Balard 1978: 140].

Марко Поло посетил Тебриз в 1273 г. во время своего путешествия в Китай, а затем вновь оказался в городе в 1294 г. на обратном пути в Европу. Во время второго визита он отметил, что в городе было много генуэзских купцов, которых привлекло обилие драгоценных товаров: «...*Народ в Торисе (Тебриз) торговый и занимается ремеслами; выделываются тут очень дорогие, золотые и шелковые ткани. Торис на хорошем месте; сюда свозят товары из Индии, из Бодака [Багдада], Мосула, Кремозора и из многих других мест; сюда за чужеземными товарами сходятся латинские купцы. Покупаются тут также драгоценные камни, и много их здесь. Вот где большую прибыль наживают купцы, что приходят сюда*» [Минаев 1955: 60]. Эти слова в полной мере передают богатство города, Тебриз был важным перевалочным пунктом для западных торговцев и узловым центром торговых путей, соединявших Переднюю Азию, Причерноморье и Персидский залив.

Следует отметить, что имеющиеся данные свидетельствуют о том, что Аргун-хан проявлял особый интерес к развитию связей с генуэзцами, что в конечном итоге способствовало созданию постоянного торгового пункта. К 1304 г. Генуя уже имела хорошо зарекомендовавшее себя представительство в городе, включая консульство, нотариуса и возможно даже «*fonduk*» или «*fondaco*» (фондако — своего рода торговый пост или фактория, где купцам разрешалось останавливаться и хранить товары) [Balard 1978: 140].

До 1290-х гг. итальянское присутствие в Ильханате, по-видимому, опиралось главным образом на самостоятельные предприятия отдельных купцов и авантюристов [Cecchetti 1883: 161–165; Balard 1978: 139]. Подобно П. Вильони, эти торговцы использовали свой предыдущий опыт работы в Анатолии и на портовых узлах Леванта, работавший в контактах с крестоносными общинами. Очевидно, что их экспедиции преследовали не только коммерческие цели, связанные с развитием торговли с Ильхана-

том, но также способствовали налаживанию дипломатических и политических контактов с монгольскими правителями.

Фактически в период правления Хулагу, Абаги, Аргуна христианство пользовалось благосклонностью ильханов. Первая жена Хулагу была христианкой, и многие военные и административные чиновники Ильханата приняли христианство [Mosheim 1741: 79]. Со стороны латинян путешествия в Персию могли быть стимулированы слухами о принятии христианства ильханами. В течение 1270–1280-х гг. экспедиции европейцев способствовали, на наш взгляд, значительному притоку латинян на территорию Ильханата. В Персии эти купцы и искатели приключений нередко оказывались на службе у ильханов, выполняя дипломатические поручения или военные функции наемников. При монгольском дворе традиционно стирались четкие грани между обязанностями купцов, придворных, дипломатов и чиновников. В то же время итальянские купцы чаще всего принадлежали к аристократическим и обеспеченным слоям общества, отличались высоким уровнем грамотности, а также превосходно владели несколькими языками. Их опыт в дальних путешествиях делал их идеальными посланниками и посредниками.

В период правления Аргуна и Газана итальянские купцы стали основными посредниками в передаче информации и дипломатических сообщений на Запад. В ранний период существования Ильханата (1256–1284) монгольские дипломатические миссии на Запад преимущественно возглавлялись монашеством, в частности францисканцами, а также чиновниками, занимавшими бюрократические должности в государственном аппарате. Однако начиная с середины 1280-х гг. эту функцию все чаще начали выполнять купцы, в особенности итальянского происхождения. К концу XIII – началу XIV в. именно они в подавляющем большинстве случаев руководили дипломатическими миссиями Ильханата в Европу. Эта практика сохранялась вплоть до правления Олджейту (1304–1316), когда последние зафиксированные посольства были отправлены к Папе Римскому в 1305 г. [Mosheim 1741: 80–93].

Итальянские дипломаты и торговцы часто совмещали официальные дипломатические миссии с личными коммерческими интересами. Так, генуэзский купец Бускарелло де Гизольфи, сопровождая английского посланника, воспользовался возможностью для инвестирования 600 фунтов серебра в Генуе. Аналогично венецианский посол Микеле Дольфин, подписавший в 1320 г. договор между Венецией и Ильханатом, во время своей поездки в Персию также занялся урегулированием своих финансовых дел, включая взыскание долгов в Трапезунде [ASG].

4. Взаимодействие с монгольскими властями и местными элитами

Завоевая расположение монгольских ханов, итальянские купцы не только стремились к личному обогащению, но и пытались интегрироваться в монгольскую экономическую систему, устанавливая личные политические и экономические связи с монгольской аристократией. Часто привезенные ими товары предназначались не только для обмена, но и в качестве даров с целью завоевания расположения монгольской аристократии. Такой подход не был редким в европейских взаимоотношениях с монголами. Исследователи отмечают, что в период монгольской экспансии практика дарения подарков претерпела значительные изменения, превращаясь из ритуала гостеприимства в форму политического подчинения. Подношение даров монгольскому правителю или чиновнику стало не только выражением уважения, но и способом признания их власти и получения защиты, фактически приобретая характер даннических отношений [Qiu 2020: 202–227].

Конечно, в средние века граница между дипломатическим обменом подарками и местной данью в большинстве случаев была размыта, хотя в целом символическое значение этих двух действий было довольно схожим: подтверждение верности или подчинения более могущественному правителю. Фактически в представлении монгольского правителя любой дар от иностранных правителей воспринимался как дань, которую также можно было рассматривать как фор-

му взаимного обмена, подобно дипломатическому дарообмену. Более того, в большинстве случаев разница между посланниками и торговцами была неочевидной. Это можно объяснить не только монгольской традицией назначать зажиточных купцов своими посланниками, но и тем, что монгольская дипломатия зачастую имела коммерческую цель. Чаще всего среди имущества, привезенного миссиями, определенная часть преподносилась в качестве дипломатических даров, а остальное рассматривалось как капитал для торговли [Juvaynī, I 1958: 78–79; Jūzjānī, II 1881: 966–967; Rachewiltz 2004: 181].

Европейские купцы и миссионеры осознавали важность даров в общении с монголами, о чем свидетельствует Плано Карпини, отмечавший их необходимость для посланников и вынужденный оправдываться за отсутствие подарков от Папы Римского: *«И когда мы прибыли в орду, нас спросил ... Элидегар, чем мы хотим поклониться, то есть какие дары мы ему хотим вручить. Мы ему ответили, ... что господин папа не послал даров»* [Горский, Трепавлов 2022: 177].

Исследователи, в частности Николо Ди Космо, анализируя в своих исследованиях нотариальные акты, отмечают, что итальянские купцы хорошо понимали монгольские обычаи. Например, в 1291 г. генуэзский купец Пьетро де Брайно нанял сокольничего и отправился ко двору Аргун хана, привезя с собой несколько соколов в качестве даров. Сокольничему было обещано значительное вознаграждение в 800 аспров — это была крупная инвестиция, направленная на то, чтобы завоевать расположение монгольского хана, успешно доставив этих птиц ко двору ильханов [Di Cosmo 2005: 400].

Марко Поло также упоминал случаи обмена дарами между братьями Поло и ханом Берке. Братья преподнесли Берке-хану всю свою коллекцию драгоценностей, и в ответ он одарил их товарами, стоившими вдвое больше полученного: *«Он принял все драгоценности, которые они привезли, с большой благодарностью, и это ему очень понравилось. Взамен он подарил им другие ценности, которые стоили не меньше. Эти*

товары были отправлены на продажу в те края и были проданы по хорошей цене» [II Milione 1912: 2].

Особый интерес представляет практика ортаков — форма коммерческого сотрудничества, которая развивалась между монгольской аристократией и купцами. Тюрко-монгольские правители не только привлекали торговцев на службу, но и активно участвовали в торговых операциях, становясь их компаньонами в коммерческих предприятиях, известных как «ортаки». Эта практика началась с Чингис-хана и распространилась на его преемников. Чингизиды вкладывали средства в торговлю, предоставляя купцам привилегии, используя дипломатические миссии для экономической выгоды и добиваясь особых условий для своих «ортаков».

Характер этой коммерческой ассоциации стал предметом значительных споров. Однако есть исследования, которые раскрывают ее нюансы [Allsen 1989: 114–115]. Первые упоминания о соглашениях, связанных с ортаками, содержатся в «Сокровенном сказании монголов». С расширением Монгольской империи эта практика укреплялась, а участие монгольской аристократии в евразийской торговле через ортаки, особенно с уйгурскими и мусульманскими купцами, получило широкое распространение, о чем свидетельствуют китайские источники [Park 2012: 109–110].

Женщины из монголо-персидской элиты вкладывали доходы от дани и добычи в собственные ортаки, отмечает Рашид ад-Дин [Enkhbold 2019: 533]. Персидские источники описывают деятельность мусульманских ортаков, работавших при дворе хана Монке, приводя множество эпизодов, свидетельствующих об их торговой активности в Китае до 1260 г. [Atâ-Malek Juvayni 1958: 209–211]. Торговцы-ортаки играли важную роль в морской торговле, спонсируемой государством [Park 2012: 110].

Как отмечает Томас Олсен, институт ортачества не редко проявлялся через систему дарообмена, которая фактически скрывала крупные коммерческие сделки. Система ортака изначально служила не столько экономической выгоде знати, сколько привлечению торговцев к сотрудничеству с мон-

гольской властью [Allsen 1989: 120]. Одно из таких событий описывает Джувейни при дворе Угедея: «Затем торговцы возвращались и объявляли цены на свои товары; и по приказу Каана, какой бы ни была цена, его чиновники должны были поднять ее на 10 % и выплатить деньги торговцам» [Atâ-Malek Juvayni 1958: 214].

Джувейни также много раз упоминает дары в своем труде, хотя лишь изредка описывает, что именно было дарено или получено: «Каану принесли драгоценный пояс, украшенный драгоценными камнями. Он осмотрел его и обвязал вокруг талии» [Atâ-Malek Juvayni 1958: 221].

В более поздней хронике персидский чиновник Шихаб ад-Дин Абдаллах ибн Фазлаллах Ширази пишет: «подарки в виде тканей, драгоценностей, дорогих одеяний и охотничьих леопардов, достойные его королевского одобрения, а также десять туманов (сто тысяч монет) золота были даны ему из главной казны, чтобы использовать их в качестве капитала для торговли. Фахру-д-дин Файд получил необходимые припасы для своего путешествия на кораблях и джонках, загрузив их собственными товарами, а также огромным количеством драгоценностей и жемчуга» [Abdu-llah Wassaf 1871: 45].

Итальянские торговцы старались стать частью монгольской системы торговли и обмена ценностями, возможно, становясь ортаками, для чего перенимали местные обычаи и практики дарения (систему ортак в «Codex Cumanicus» приравнивали к латинскому слову *socius*, означающему коммерческого партнера) [Codex Cumanicus 1880: 114]. Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что на протяжении нескольких десятилетий они добивались в этом значительного успеха, выстраивая высокий уровень сотрудничества с монгольской аристократией и, в некоторых случаях, с самими ханами. Есть несколько примеров того, как итальянские купцы не просто доставляли сообщения от монгольских ханов, но и говорили, что постоянно работали на них.

Одной из наиболее примечательных личностей среди итальянских купцов, состоявших на монгольской службе, можно

назвать уроженца Пизы по имени Периччоло, известного также под именами Изол де Анастасио Бофети, Иолус, Чол или просто Изол. Продолжительность его деятельности при дворе ильханов значительно превосходила аналогичные примеры, а упоминания о нем встречаются в источниках на протяжении более двадцати лет.

Жан Ришар упоминает два послания Папы Николая IV, направленные Изолу, в которых понтифик выражает признательность за оказанные им услуги, а также за содействие, которое он, используя свое высокое положение при дворе Ильханов, мог предоставить миссионерам в Персии [Richard 1970: 186–194]. Однако исследователь не учитывает другой документ, предположительно, относящийся к 1289 г. Речь идет о сообщении группы из десяти францисканцев, вернувшихся в Рим после десяти лет, проведенных в Персии. Согласно их свидетельству, Изол за время длительного пребывания в регионе добился как значительных материальных выгод, так и авторитета среди монголов, активно способствуя их обращению в христианство [Mosheim 1741: 77]. Как отмечает Жан Ришар, Изол хорошо знал торговые пути и морские маршруты. Именно благодаря его информации в 1300 г. Папа Бонифаций VIII отлучил от церкви нескольких купцов, которые тайно вели торговлю с Египтом, нарушая запреты [Richard 1970: 188]. В 1301 г. Изол дважды упоминается в реестрах генуэзского нотариуса Ламберто ди Самбуцето, где он фигурирует как знатные мужи Чиолус Бофети и Золус де Анастасио (*nobilis vir Ciolus Bofeti and Zolus de Anastasio*) [Kohler 1899: 34–37].

Еще один генуэзский купец или банкир, Томмазо де Анфузи, хотя и не имел знатного титула, был избран монгольскими правителями для сопровождения несторианского монаха Раббан Саумы в его дипломатической миссии в Европу в 1287 г. Раббан Саума, пребывавший в Генуе в течение лета 1287 г. и зимы 1287–1288 гг., посетил дворы французского короля Филиппа IV Красивого и английского короля Эдуарда I. Завершив свою миссию, он вернулся на Восток, доставив послания от Папы Николая IV [Borbone 2009: 241–245].

В начале 1289 г. Папа Римский отправил Иоанна Монтекорвино на Восток с письмами для Аргуна. В путешествии его спутниками были купец Петр Лукалонго, который после торговли на Ближнем Востоке направился в Южный Китай, и монах-доминиканец Николай Пистойский. В июле 1289 г. Иоанн Монтекорвино, признанный в историографии основателем первых христианских миссий на территории Китая, покинул город Риети. Можно предположить, что маршрут его путешествия пролегал из Тебриза и далее через акватории Персидского залива и Индийского океана. Уже в 1291 г. экспедиция достигла монгольской столицы Ханбалык [Van den Wyngaert 1929: 352].

В тот же год было направлено еще одно посольство под руководством итальянского купца Бускарелло де Гизольфи. Его миссия заключалась в передаче предложений о координации действий против мамлюков. Можно предположить, что главной целью дипломатической миссии являлось скорейшее получение ответа от Папы Римского и правителей Англии и Франции. В документе упомянут купец, обозначенный как «Мускерил» (Muskeril), с указанием его должности «хорчи», что подразумевает его принадлежность к ханской личной охране [Spuler 1955: 229–230].

Бускарелло де Гизольфи был снабжен папским рекомендательным письмом, адресованным английскому королю, и в течение того же года прибыл в Лондон. Спустя менее месяца он направился во Францию ко двору короля Филиппа Красивого, где передал монарху послание монгольского хана, сопроводив его собственноручно подготовленным сокращенным переводом на французский язык. В 1291 г. английский король Эдуард направил в Персию посольство во главе с дворянином Годфри из Лэнгли, а Бускарелло де Гизольфи снова сопровождал миссию. Они отправились из Генуи и прибыли в Персию в начале 1292 г. Однако к тому моменту хан Аргун скончался, а его преемник Гайхату не проявил интереса к переговорам с европейцами. После этого посольства Бускарелло де Гизольфи на достаточно долгое время исчезает из исторических источников. Павиот в своем исследовании ссылается на нотариальный акт 1317 г., в котором упоминается

Аргон де Гизольфи, сын Бускарелло. Выбор имени «Аргун» для сына, вероятно, служит наиболее явным свидетельством преданности и признательности купца своему покровителю [Paviot 1991: 112–113].

Томмазо Уджи из Сиены, вероятно, заменил Бускарелло в последнем этапе дипломатической переписки между монголами и европейскими державами, происходившей в промежутке между 1303 г. и 1307 г. В своих посланиях хан Олджейту называет его «меченосцем» или «илдучи» (*ilduchi*) [Richard 1999: 46]. В 1305 г., выполняя дипломатическую миссию при папском дворе, Уджи также выступил в качестве свидетеля в торговом споре между персидским и венецианским купцами. Кроме того, он сыграл важную роль в посредничестве при заключении официального соглашения между Венецией и Ильханатом [DVL 1880: 222].

5. Политико-экономические факторы и упадок итальянской торговой активности на территории Персии

После 1303 г. военные неудачи Ильханата на сирийском направлении и постепенная утрата интереса к расширению территорий в Левантийском регионе в течение XIV в. сопровождались заметными переменами в характере торговых и экономических контактов между ильханами и итальянскими торговцами. Венеция и Генуя, в частности, начали регулировать деятельность своих торговых представителей в Тебризе, что свидетельствует о пересмотре их торговой стратегии. Генуэзское ведомство *Officium Gazarie*, отвечающее за торговлю в Черноморском регионе, расширило свою юрисдикцию на Тебриз, передав управление консулу и совету опытных купцов [МНР 1838: 222–223]. Венеция также официально закрепила свое присутствие посредством соглашений, заключенных в 1306 г. и 1320 г., а к 1324 г. назначила собственного консула [DVL 1880: 173, 192, 209]. Данные регламенты, в частности регулировавшие торговые отношения с местным населением, свидетельствуют о стремлении итальянских республик усилить контроль над своей деятельностью в регионе на фоне меняющейся внутренней обстановки в Ильханате. Посте-

пенное ослабление связей прослеживается с периода правления Газан-хана (1295–1304). Его принятие ислама во многом отражало широкое распространение этой религии среди монгольской и персидской элиты. Далее при его преемнике Олджейту христианские источники фиксируют усиление религиозной нетерпимости и рост преследований. Это демонстрируют различные указы, которые Газан обнародовал для подавления христиан [Pubblici 2022: 186–193].

После неудачной кампании Ильханата против мамлюков в 1313 г. Олджейту переориентировал военные усилия на защиту северных и восточных границ, что снизило стратегическую значимость «франкского альянса» с христианскими государствами Леванта. Впоследствии этот союз окончательно распался, когда его преемник, Абу Саид (1316–1335), заключил мирное соглашение с мамлюками в 1322 г. При его правлении отношение к христианам ухудшилось, и к 1330 г. Римская церковь в Ильханате практически исчезла [Gilman, Klimkeit 2023: 143].

При правлении Абу Саида начала формироваться негативная тенденция в отношении христианских купцов, в частности итальянских [Gilman, Klimkeit 2023: 143]. Это изменение было обусловлено рядом факторов, среди которых ключевым являлось отсутствие очевидных экономических преимуществ для Персии от торговли с Европой. В результате монголо-персидская аристократия стала воспринимать итальянских торговцев как менее значимых с точки зрения дипломатии и стратегии. Такое изменение восприятия привело к снижению заинтересованности Ильханата в поддержке и приеме европейских купцов.

Несмотря на усиливающееся религиозное напряжение, итальянские торговые общины продолжали активно действовать в Персии в начале XIV в. Это, вероятно, стало возможным благодаря политике правителей Ильханата в предыдущие годы. К 1305 г. в городе Тебризе уже проживало значительное число генуэзцев и венецианцев. Понимая важность официального оформления их присутствия и регулирования отношений с Ильханатом, Венеция и Генуя с 1305 г. ини-

циировали заключение ряда соглашений [DVL 1880: 47].

Понять содержание этих договоров сложно, так как не хватает информации о событиях того времени. Тем не менее в них есть общая черта — они выражают беспокойство по поводу притеснения купцов монгольскими властями. Это подтверждается конфликтом 1306 г., после которого Венеция и Ильханат заключили соглашение [DVL 1880: 47]. Договор был заключен для защиты венецианских торговцев, чтобы они могли безопасно вести дела и оставаться экономически независимыми. В нем оговаривались правила, запрещающие принудительную продажу их товаров, а также гарантировался возврат имущества купца его семье или партнерам в случае его смерти: *«Кроме того, если какой-либо наш венецианец умрет на территории нашей Империи, никто из тех, кто собирает налоги, и никакое другое лицо не может и не должно вмешиваться в распоряжение его имуществом или предъявлять на него какие-либо претензии, кроме старшего среди упомянутых венецианцев»* [DVL 1880: 174]. Эти факты показывают, что монгольская знать возможно использовала недобросовестные методы в торговле и пыталась заставить купцов работать по правилам, похожим на систему ортак: *«Кроме того, в любом городе или месте нашей Империи наши венецианцы не могут быть вынуждены платить налог (tomagar) или продавать свои товары без их согласия. Более того, таможенные чиновники (tomagazi) данного города или места обязаны, если наш венецианец захочет уехать со своим товаром или отправить его в другое место, предоставить ему такую возможность по его желанию»* [DVL 1880: 173].

Разобраться в правилах, установленных Officium Gazarie для Генуи, довольно сложно. С начала 1310-х гг. генуэзские власти начали вводить ограничения на торговлю в Тебризе. Купцы могли торговать не дольше четырех месяцев подряд, но перед этим должны были получить специальное разрешение от консула. Им разрешалось использовать исключительно наличные средства и товары, импортированные из Италии, а также вести строгий учет всех транзакций. Что-

бы предотвратить мошенничество, сумма наследства для иностранцев, сопровождавших генуэзских торговцев, не могла превышать двух тысяч тебризских безантов. Контролировать сделки, связанные с использованием выючных животных, поручалось консулу и трем опытным представителям (*boni homines*) генуэзской общины. Купцам запрещалось также объединять капиталы с местными жителями или создавать с ними торговые партнерства. Подобные, хотя и менее структурированные ограничения, вероятно, действовали и в других торговых республиках [МНР 1838: 222].

Эти новые правила стали серьезным изменением по сравнению с прежними выгодными условиями, которые генуэзцы имели при дворе Ильханата. Это ставит под вопрос природу введенных ограничений: были ли они инициированы самими генуэзцами либо являлись результатом приказов монгольских ханов.

Венецианский документ от 1324 г. показывает, как менялось отношение правителей Ильханата к итальянцам. В своем письме венецианский консул Марко де Молино выражает обеспокоенность слабой дисциплиной среди венецианской общины в Тебризе и отмечает возрастающие риски ведения торговли в регионе [DVL 1880: 192]. В письме рассказывается о венецианском купце Франческо Квирини, который нарушил запрет консула и заключил сделку с «сарацинским» купцом. Его соотечественники сообщили об этом венецианским властям, и Квирини был оштрафован на крупную сумму. В ответ он подал жалобу на этого торговца и заявил следующее: *«Госпожа, я пришел сюда, чтобы принести пользу вашей земле, хотел купить товары по высоким ценам и с хорошей выгодой, но венецианцы не позволили мне этого сделать, избили меня и причинили мне ущерб. Поэтому дайте мне людей из вашей свиты, чтобы я мог избить их, схватить и привести к вам»* [DVL 1880: 193]. Ответ был жестким: арестовали тех, кто сообщил о нарушении, и потребовали с них огромный выкуп.

После кончины Абу Саида в 1335 г. Ильханат распался на несколько княжеств, возглавляемых влиятельными аристократичес-

кими родами. Крах Ильханата значительно затормозил дипломатические и торговые связи с Европой. Региональные династии, такие как Шейбаниды и Джалаириды, скорее всего, не проявляли интерес к Леванту и не придерживались масштабных геополитических устремлений ранних Ильханов.

6. Заключение

Деятельность итальянских купцов в Персии эпохи монгольского владычества оказалась гораздо более многогранной, чем можно было бы ожидать. Эти торговцы успешно использовали свой богатый опыт, лингвистические и культурные навыки, чтобы не только вести прибыльную торговлю, но и становиться посредниками в международных переговорах между Востоком и Западом. Они начали активно действовать в Персии уже в середине XIII в., что подтверждается документальными свидетельствами (например, завещанием Пьетро Вильони 1264 г.). Итальянские торговцы энергично внедрялись в монгольскую экономическую систему, заключая партнерства с местной аристократией, что позволяло им получать доступ к редким товарам и заключать выгодные торговые контракты. Практика дарообмена и установления личных связей с монгольскими правителями оказалась эффективным инструментом для итальянских купцов. Эти жесты доверия и взаимной выгоды не только способствовали укреплению экономических позиций, но и создавали предпосылки для политического диалога между различными культурами и государственными системами.

Что касается Ильханата, то их готовность привлекать купцов в качестве посредников в дипломатических контактах обуславливалась рядом факторов. Прежде всего, монгольская элита традиционно поддерживала тесные связи с купечеством, осознавая их значимость не только в экономическом, но и в политическом контексте. Вместе с тем деятельность итальянских купцов при дворе была продиктована, прежде всего, прагматическими соображениями, т. е. личными интересами, а не религиозной преданностью или приверженностью интересам итальянских республик. Подобная модель по-

ведения характерна для итальянских торговых общин в восточном Средиземноморье и гармонично вписывалась в политическую динамику монгольского двора, где борьба за влияние и ресурсы была обычным явлением.

До 1289 г. дипломатические контакты между Монгольской империей и Европой в значительной степени находились под контролем духовенства, как западного, так и монгольского. Однако стремление папы и несториан обратить монголов в христианство нередко препятствовало конструктивному взаимодействию, что подтверждается перепиской Аргуна и Папы Николая IV [Thanase 2013: 46]. Из-за этого правители Ильханата, вероятно, предпочитали работать с более практичными партнерами, так как религиозные вопросы затрудняли военные союзы. Вместе с тем итальянские купцы, движимые коммерческими интересами, оказались более надежными посредниками, поскольку не предъявляли религиозных требований. Наделение отдельных представителей престижными политическими должностями также свидетельствовало о стремлении властей установить связи с их сообществами. В свою очередь эти влиятельные купцы использовали свое положение

для укрепления позиций своих общин, что способствовало формированию взаимовыгодных соглашений.

Однако, несмотря на первоначальные успехи, со временем меняющаяся политическая конъюнктура, усиление религиозных противоречий и смена стратегических приоритетов монгольской власти привели к утрате выгодных условий для ведения торговли. Ограничения, вводимые как монгольскими властями, так и представителями итальянских республиканских государств, свидетельствовали о том, что динамика международных отношений стала менее благоприятной для независимых купеческих инициатив.

Таким образом, опыт итальянских купцов в Персии демонстрирует, как в условиях динамичных политических и экономических изменений можно было не только сохранить, но и успешно использовать возможности для межкультурного и межрегионального обмена. Их деятельность оставила заметный след в истории средневековой торговли, показав, что личные инициативы, адаптация к новым условиям и умелое сочетание коммерческих и дипломатических интересов могут стать мощным двигателем исторических перемен.

Источники

- Горский, Трепавлов 2022 — История монголов: Текст, перевод, комментарии / под ред. А. А. Горского, В. В. Трепавлова; подгот. лат. текста П. В. Лукина, пер. с лат. А. А. Вовина, П. В. Лукина, коммент. А. А. Горского, П. В. Лукина, С. А. Масловой, Р. Ю. Почекаева, В. В. Трепавлова; вступит. ст. А. А. Горского, В. В. Трепавлова. М.: ИДВ РАН, 2022. 383 с.
- Abdu-llah Wassaf 1871 — *Abdu-llah Wassaf. Tazjiyatu-l Amsar wa Tajriyata-l Asar. The History of India as Told by its own Historians. The Muhammadan Period / The posthumous papers of the late Sir H. M. Elliot edited and continued by John Dowson. Vol. 3. London: Trübner & Co, 1871. Pp. 24–54.*
- ASG — Archivio di Stato di Genova, Esposizioni Virtuali. Buscarello Ghisolfi [электронный ресурс] // URL: <http://www.>

Sources

- Pian del Carpine G. History of the Mongols. A. Gorsky, V. Trepavlov (text prep., transl., etc.) et al. Moscow: Institute of Far Eastern Studies (RAS), 2022. 383 p. (In Russ. and Lat.)
- Wassaf A. Tazjiyatu-l Amsar wa Tajriyata-l Asar. In: The History of India as Told by Its Own Historians. The Muhammadan Period (Posthumous Papers of the Late Sir H. M. Elliot). J. Dowson (ed.). Vol. 3. London: Trübner & Co, 1871. Pp. 24–54. (In Eng.)
- Buscarello Ghisolfi. On: State Archive of Genoa (online exposition). Available at: <http://www.archiviodi5statogenova.beniculturali.it/index.>

- archiviodi5statogenova.beniculturali.it/index.php?it/253/buscarello-ghisolfi (дата обращения: 15.01.2025).
- Atâ-Malek Juvayni 1958 — *Atâ-Malek Juvayni. The History of the World Conqueror / Translated from the text of Mirza Muhammad Qazvini by John Andrew Boyle. Vol. 1. Oxford Road, Manchester: Manchester University, 1958. 361 p.*
- Cecchetti 1883 — *Cecchetti B. Testamento di Pietro Vioni veneziano fatto a Tauris (Persia) MCCLXIV, X Dicembre // Archivio Veneto. Vol. 26. Venezia: Archivio Veneto, 1883. Pp. 161–165.*
- Codex Cumanicus 1880 — *Codex Cumanicus / Comes Géza Kuun (ed.). Budapest: Budapestini Scient. Academiae Hung, 1880. 395 p.*
- DVL 1880 — *Diplomatarium Veneto-Levantinum, sive Acta et Diplomata res Venetas, Graecas atque Levantis illustrantia a. 1300–1350 / G. M. Thomas (ed.). Venetia: Sumptibus societatis, 1880. 356 p.*
- Il Milione 1912 — *Il Milione secondo il testo della “crusca” reintegrato con gli altri codici italiani, by Marco Polo / Dante Olivieri (ed.). Bari: Laterza, 1912. 317 p.*
- Jūzjānī, I 1881 — *Juvaynī ‘A.-M. Genghis Khan: The History of the World Conqueror. Vol. I. Trans. J. A. Boyle. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1958. Pp. 78–79.*
- Jūzjānī, II 1881 — *Jūzjānī M. al-S. Tabakāt-i-Nasirī: A General History of the Muhammadan Dynasties of Asia... Vol. II. Trans. H. G. Raverty. London: Gilbert & Rivington, 1881. Pp. 966–967.*
- Kohler 1899 — *Kohler Ch. Documents inédits concernant l’orient latin et les croisades (XII–XIV siècle) // Revue de l’orient latin. Vol. 7. Paris: E. Leroux, 1899. Pp. 34–37.*
- MHP 1838 — *Monumenta Historiae Patriae / edita iussu regi Caroli Alberti, Leges Municipales, edited by Regia Deputazione di Storia Patria. Torino: Deputazione di Storia Patria, 1838. 1774 p.*
- Mosheim 1741 — *Mosheim J. Historia Tartarorum ecclesiastica: Adiecta est Tartoriae asiaticae secundum recentiores geographos in mappa delineatio. Leipzig: Weygand, 1741. 216 p.*
- Rachewiltz 2004 — *The Secret History of the Mongols. Trans. Igor de Rachewiltz. 2 vols. Leiden-Boston: Brill, 2004. 1347 p.*
- php?it/253/buscarello-ghisolfi (accessed: 15 January 2025). (In Ital.)
- Juvayni A.-M. The History of the World Conqueror. J. A. Boyle (transl.). Vol. 1. Manchester: Manchester University Press, 1958. 361 p. (In Eng.)
- Cecchetti B. Testamento di Pietro Vioni veneziano fatto a Tauris (Persia) MCCLXIV, X dicembre. In: Archivio Veneto. Vol. 26. Venice: Archivio Veneto, 1883. Pp. 161–165. (In Ital.)
- Codex Cumanicus. C. G. Kuun (ed.). Budapest: Hungarian Academy of Sciences, 1880. 395 p. (In Lat.)
- Diplomatarium veneto-levantinum: Sive acta et diplomata res venetas graecas atque levantis illustrantia. 1300–1350. G. M. Thomas (ed.). Venice: Sumptibus Societatis, 1880. 356 p. (In Lat.)
- Polo M. Il Milione. D. Olivieri (ed.). Bari: G. Laterza & Figli, 1912. 317 p. (In Ital.)
- Juvayni A.-M. Genghis Khan: The History of the World Conqueror. Vol. 1. J. A. Boyle (transl.). Cambridge, MA: Harvard University Press, 1958. Pp. 78–79. (In Eng.)
- Jūzjānī M. al-S. Tabakāt-i-Nasirī: A General History of the Muhammadan Dynasties of Asia... Vol. 2. H. G. Raverty (transl.). London: Gilbert & Rivington, 1881. Pp. 966–967. (In Eng.)
- Kohler Ch. Documents inédits concernant l’Orient latin et les croisades (XIIe–XIVe siècle). In: Revue de l’Orient Latin. Vol. 7. Paris: E. Leroux, 1899. P. 34–37. (In Fr.)
- Alberti R. C. (ed.) Monumenta Historiae Patriae: Leges Municipales. Torino: A. Taurinorum, 1838. 1774 p. (In Lat.)
- Mosheim J. Historia Tartarorum ecclesiastica: Adiecta est Tartoriae Asiaticae secundum recentiores geographos in mappa delineatio. Leipzig: F. C. Weygand, 1741. 216 p. (In Lat.)
- The Secret History of the Mongols. I. de Rachewiltz (transl., comment., etc.). In 2 vols. Leiden, Boston: Brill, 2004. 1347 p. (In Mong. and Eng.)

Van den Wyngaert 1929 — Sinica Franciscana. Itinera et relationes Fratrum Minorum saeculi XIII et XIV. Vol. 1 / edited by Anastasius Van den Wyngaert. Firenze: Quaracchi, 1929. 352 p.

Van den Wyngaert A. (ed.) Sinica Franciscana. Vol. 1: Itinera et relations Fratrum Minorum saeculi XIII et XIV. Firenze: Apud Collegium S. Bonaventurae, 1929. 352 p. (In Lat.)

Литература

Минаев 1955 — Книга Марко Поло / пер. со старофранц. текста И. П. Минаева; ред. и вступит. ст. И. П. Магидовича. М.: Гос. изд-во географической литературы, 1955. 376 с.

Свет 1968 — После Марко Поло. Путешествия западных чужеземцев в страны трех Индий / пер., введ. и примеч. Я. М. Света. М.: Наука, 1968. 237 с.

Allsen 1989 — *Allsen T.* Mongolian Princes and Their Merchant Partners, 1200–1260 // *Asia Major*. Vol. 2:2. Taiwan: Academia Sinica, 1989. Pp. 83–126.

Allsen 2001 — *Allsen T.* Culture and Conquest in Mongol Eurasia. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 245 p.

Balard 1978 — *Balard M.* La Romanie génoise (XIIe-début du XVe siècle) I // *Atti della Società Ligure di Storia Patria*. Nuova serie. Vol. 18:1. Rome: École française de Rome Palais Farnese, 1978. 496 p.

Borbone 2009 — *Borbone P.* Storia di Mar Yahballaha e di Rabban Sauma Cronaca siriana del XIV Secolo. Moncalieri: Lulu Press, 2009. 392 p.

Di Cosmo 2005 — *Di Cosmo N.* Mongols and Merchants on the Black Sea Frontier in the Thirteenth and Fourteenth Centuries: Convergences and Conflicts // *Mongols, Turks, and Others*. Vol. 11 / R. Amitai and M. Biran (ed.). Leiden: Brill, 2005. Pp. 391–424. DOI: 10.1163/9789047406334_019

Enkhbold 2019 — *Enkhbold E.* The Role of the Ortoq in the Mongol Empire in Forming Business Partnerships // *Central Asian Survey*. Vol. 38:4. 2019. Pp. 531–547. DOI: 10.1080/02634937.2019.1652799

Gilman, Klimkeit 2023 — *Gilman I., Klimkeit H.-J.* Christians in Asia before 1500. London: Routledge, 2023. 391 p.

Holmes 1934 — *Holmes U. T.* Mediaeval Gem Stones // *Speculum*. Vol. 9:2. 1934. Pp. 195–204. DOI: 10.2307/2846596

References

Polo M. The Travels of Marco Polo. I. Minaev (transl.), I. Magidovich (ed., foreword). Moscow: Geographical Literature Press, 1955. 376 p. (In Russ.)

Garmsen O. M. (ed.) After Marco Polo: Travels of Westerners in the Three Indias. Ya. Svet (transl., foreword, etc.). Moscow: Nauka — GRVL, 1968. 237 p. (In Russ.)

Allsen T. Mongolian princes and their merchant partners, 1200–1260. *Asia Major*. 1989. Vol. 2. No. 2. Pp. 83–126. (In Eng.)

Allsen T. Culture and Conquest in Mongol Eurasia. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 245 p. (In Eng.)

Balard M. La Romanie génoise (XIIe-début du XVe siècle) I (Atti della Società Ligure di Storia Patria. Nuova serie 18/1). Rome: École française de Rome; Geneva: Società Ligure di Storia Patria, 1978. 496 p. (In Fr.)

Borbone P. (ed.) Storia di Mar Yahballaha e di Rabban Sauma. Cronaca siriana del XIV secolo. Moncalieri: Lulu Press, 2009. 392 p. (In Ital.)

Di Cosmo N. Mongols and merchants on the Black Sea frontier in the thirteenth and fourteenth centuries: Convergences and conflicts. In: Amitai R., Biran M. (eds.) *Mongols, Turks, and Others*. Vol. 11. Leiden: Brill, 2005. Pp. 391–424. (In Eng.) DOI: https://doi.org/10.1163/9789047406334_019

Enkhbold E. The role of the ortoq in the Mongol Empire in forming business partnerships. *Central Asian Survey*. 2019. Vol. 38. No. 4. Pp. 531–547. (In Eng.) DOI: 10.1080/02634937.2019.1652799

Gilman I., Klimkeit H.-J. Christians in Asia before 1500. London: Routledge, 2023. 391 p. (In Eng.)

Holmes U. T. Mediaeval gem stones. *Speculum*. 1934. Vol. 9. No. 2. Pp. 195–204. (In Eng.) DOI: 10.2307/2846596

- Kypta et al. 2019 — *Kypta U., Bruch J., Skambraks T. Methods in Premodern Economic History: Case Studies from the Holy Roman Empire, c. 1300–c. 1600.* Switzerland: Palgrave Macmillan, 2019. 509 p.
- Molà 2012 — *Molà L. Venezia, Genova e l'Oriente: i mercanti italiani sulle Vie della Seta tra XIII e XIV secolo // Sulla Via della Seta. Antichi sentieri tra Oriente e Occidente / M. Norell (ed.).* Turin: Codice Edizioni, 2012. Pp. 124–166.
- Park 2012 — *Park H. Mapping the Chinese and Islamic Worlds: Cross-Cultural Exchange in Pre-modern Asia.* Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 276 p.
- Paviot 1991 — *Paviot J. Buscarello de Ghisolfi, marchand génois intermédiaire entre la Perse mongole et la Chrétienté latine (fin du XIIIe – début du XIVe siècles) // La Storia dei Genovesi.* Vol. 11. 1991. Pp. 107–117.
- Pubblici 2022 — *Pubblici L. Mongol Caucasia: Invasions, Conquest, and Government of a Frontier Region in Thirteenth Century Eurasia (1204–1295).* Vol. 41. Leiden: Brill, 2022. 265 p.
- Qiu 2020 — *Qiu Y. Gift-Exchange in Diplomatic Practices during the Early Mongol Period // Diplomacy in the Age of Mongol Globalization. Eurasian Studies / F. Fiaschetti (ed.).* Vol. 17:2. Leiden: Brill, 2020. Pp. 202–227. DOI: 10.4000/abstractairanica.53737
- Richard 1970 — *Richard J. Isol le Pisan: un aventurier franc gouverneur d'une province mongole? // Central Asiatic Journal.* Vol. 14:1/3. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1970. Pp. 186–194.
- Richard 1999 — *Richard J. The Crusades (c. 1071–1291).* Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 516 p.
- Spuler 1955 — *Spuler B. Die Mongolen in Iran: Politik, Verwaltung und Kultur der Ilchanzeit 1220–1350.* Berlin: Akademie-Verlag, 1955. 579 s.
- Thanase 2013 — *Thanase T. Les Mongols et le monde dans les registres de la papauté au XIIIe siècle: l'écriture d'une histoire // La correspondance entre souverains, princes et cités-États / D. Aigle, S. Péquignot (ed.).* Turnhout: Brepols, 2013. Pp. 77–100.
- Kypta U., Bruch J., Skambraks T. *Methods in Premodern Economic History (Case studies from the Holy Roman Empire, c. 1300–c. 1600).* Switzerland: Palgrave Macmillan, 2019. 509 p. (In Eng.)
- Molà L. *Venezia, Genova e l'Oriente: I mercanti italiani sulle Vie della Seta tra XIII e XIV secolo.* In: Norell M. (ed.) *Sulla Via della Seta. Antichisentier tra Oriente e Occidente.* Turin: Codice Edizioni, 2012. Pp. 124–166. (In Ital.)
- Park H. *Mapping the Chinese and Islamic Worlds: Cross-Cultural Exchange in Pre-Modern Asia.* Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 276 p. (In Eng.)
- Paviot J. *Buscarello de Ghisolfi, marchand génois intermédiaire entre la Perse mongole et la Chrétienté latine (fin du XIIIe – début du XIVe siècles).* In: *La Storia dei Genovesi.* Vol. 11. 1991. Pp. 107–117. (In Ital.)
- Pubblici L. *Mongol Caucasia: Invasions, Conquest, and Government of a Frontier Region in Thirteenth-Century Eurasia (1204–1295) [Brill's Inner Asian Library 41].* Leiden: Brill, 2022. 265 p. (In Eng.)
- Qiu Y. *Gift-exchange in diplomatic practices during the early Mongol period.* In: Fiaschetti F. (ed.) *Diplomacy in the Age of Mongol Globalization (Eurasian Studies 17/2).* Leiden: Brill, 2020. Pp. 202–227. (In Mong.) DOI: <https://doi.org/10.4000/abstractairanica.53737>
- Richard J. *Isol le Pisan: un aventurier franc gouverneur d'une province mongole? Central Asiatic Journal.* 1970. Vol. 14. No. 1/3. Pp. 186–194. (In Fr.)
- Richard J. *The Crusades (c.1071–1291).* Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 516 p. (In Eng.)
- Spuler B. *Die Mongolen in Iran: Politik, Verwaltung und Kultur der Ilchanzeit 1220–1350.* Berlin: Akademie-Verlag, 1955. 579 p. (In Germ.)
- Thanase T. *Les Mongols et le monde dans les registres de la papauté au XIIIe siècle: l'écriture d'une histoire.* In: Aigle D., Péquignot S. (eds.) *La correspondance entre souverains, princes et cités-États.* Turnhout: Brepols, 2013. Pp. 77–100. (In Fr.)

